

Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

Официальный сайт монастыря (<https://imonspb.ru>)

Детские воспоминания Надежды Аксаковой о преподобном Серафиме Саровском

Случилось то, на что надеялись монастырские богомольцы: заслышав детей, отец Серафим не выдержал, и голова его показалась из-за высоких стеблей лесной травы. Приложив палец к губам, он, улыбаясь поглядывал на нас, как бы упрасывая не выдавать его старшим, шаги которых уже слышались в лесу.

Преподобный Серафим Саровский. Икона.
Последняя треть 19 в. Мастерская Серафимо-
Дивеевского монастыря.

...После панихиды отец игумен благословил нас, богомольцев, отыскивать отца Серафима в бору:

– Далеко ему не уйти, – утешил нас игумен, – ведь он, как и отец наш Марк, сильно калечен на своем веку. Сами увидите: где рука, где нога, а на плечике горб. Медведь ли его ломал... люди ли били... ведь он, что младенец, не скажет. А все вряд ли вам отыскать его в бору. В кусты спрячется, в траву ляжет. Разве сам откликнется на детские голоса. Берите детей побольше, да чтобы впереди вас шли.

– Непременно бы впереди бегли, – кричал игумен вслед уже двинувшейся к лесу толпе.

Весело было сначала нам одним, совсем одним, без присмотра и без надзора бежать по мягкому, бархатному слою сыпучего песка.

Нам, городским детям, то и дело приходилось останавливаться, чтобы вытрясти мелкий белый песок из той или другой прорезной (модной в то время) туфельки. Деревенские же босоножки, подсмеиваясь, кричали нам на ходу: «Чего не разуаетесь... легче будет». Лес становился гуще и выше. Все более и более ощущалась лесная сырость, затишье, сильно и терпко, непривычно запахло смолой. Под высокими сводами громадных елей стало совсем темно...

По счастью, где-то вдалеке блеснул, засветился солнечный луч между иглистыми ветвями... Мы ободрились, побежали на мелькнувший вдалеке просвет, и скоро все врассыпную выбежали на зеленую, облитую солнцем поляну.

Смотрим: около отдельно стоящей на полянке ели работает, пригнувшись чуть ли не к самой земле, низенький, худенький старичок, проворно подрезая серпом высокую лесную траву. Серп так и сверкает на солнечном припеке.

Заслышав шорох в лесу, старичок быстро поднялся, насторожившись, посмотрел в нашу сторону и затем, точно спугнутый заяц, проворно побежал к чаще леса. Но, не успев добежать, запыхался, робко оглянувшись, юркнул в густую траву недорезанной им куртины и скрылся из вида.

Тут только вспомнился нам родительский наказ при входе в бор, и мы чуть ли не в двадцать голосов дружно крикнули: «Отец Серафим! Отец Серафим!»

Случилось то, на что надеялись монастырские богомольцы: заслышав детей, отец Серафим не выдержал, и голова его показалась из-за высоких стеблей лесной травы.

Приложив палец к губам, он, улыбаясь поглядывал на нас, как бы упрасывая не выдавать его старшим, шаги которых уже слышались в лесу.

В первую минуту он нам не понравился: влажные от пота желтоватые волосы, искусанное мошками морщинистое лицо, все в запекшихся каплях крови.

Но когда, протоптав дорожку через траву, он, опустившись на траву, поманил нас к себе, на нас вдруг дохнуло что-то такое, что крошка наша Лиза первая бросилась старичку на шею, прильнув лицом к его плечу, покрытому рубищем.

– Сокровища, сокровища, – приговаривал он едва слышным шепотом, прижимая каждого из нас к своей худенькой груди.

Мы обнимали старца, а между тем замешавшийся в толпу детей пастушок Сема побежал со всех ног обратно к стороне монастыря, зычно выкрикивая:

– Здесь, сюда. Вот он... Вот отец Серафим. Сю-ю-да-а.

Нам стало стыдно. Чем-то вроде предательства показались нам и выкрикивания наши, и наши объятия. Еще стыднее стало нам, когда две мощные запыхавшиеся фигуры, не помню, мужчин или женщин, подхватили старца под локотки и повели к высыпавшей уже из леса куче народа. Опомнившись, мы бросились вдогонку за отцом Серафимом...

Опередив своих непрошенных вожатых, он шел теперь один, слегка прихрамывая, к своей хибарке над ручьем. Подойдя к ней, он оборотился лицом к поджидавшим его богомольцам. Их было очень много.

– Нечем мне угостить вас здесь, милые, – проговорил он мягким, сконфуженным тоном домохозяина, застигнутого врасплох среди разгара рабочего дня. – А вот деток, пожалуй, полакомить можно.

И затем, обратившись к нашему брату, сказал:

– Вот у меня там грядки с луком. Видишь. Собери всех деток, нарежь им лучку, накорми их лучком и напои хорошенько водой из ручья.

Мы побежали вприпрыжку исполнять приказание отца Серафима и присели между грядками на корточках. Лука, разумеется, никто не тронул. Все мы, залегши в траве, смотрели из-за нее на старичка, так крепко прижавшего нас к своей груди.

Получив благословение, все богомольцы стали вокруг старца почтительным полукругом.

Большинство крестьянок были повязаны в знак траура белыми платками. Дочь старой нашей няни, недавно умершей от холеры, тихо плакала, закрыв лицо передником.

– Чума тогда, теперь холера, – медленно проговорил пустынный, будто припоминая про себя что-то давно-давно минувшее.

– Смотрите, – громко сказал он, – вот там ребятишки срежут лук, не останется от него поверх земли ничего... Но он поднимется, вырастет сильнее и крепче прежнего... Так и наши покойнички – и чумные, и холерные... и все восстанут лучше, краше прежнего. Они воскреснут. Воскреснут. Воскреснут, все до единого...

Не к язычникам обращался пустынник с вестью о воскресении. Все тут стоявшие знали смолоду «о жизни будущего века». Все обменивались радостной вестью о Воскресении в «Светлый день». А между тем это громкое «воскреснут, воскреснут», провозглашенное в глухом бору устами, так мало говорившими, в течение жизни, пронеслось над поляной как заверение в чем-то несомненном, близком.

Стоя перед дверью лесной своей хижинки, в которой нельзя было ни встать, ни лечь, старик тихо крестился, продолжая свою молитву, свое немолчное молитвословие... Люди не мешали ему, как не мешали непрестанной его беседе с Богом ни работа топором, ни сенокос, ни жар, ни холод, ни ночь, ни день. Молился и народ.

Впереди всех стояла хорошо нам знакомая грозная госпожа Зорина, далекая родственница моего отца. За ней толпился целый штат женской прислуги, одетой, так же как и она сама, в черное с белыми платками на голове.

Старуху поддерживали под локотки две белицы в бархатных остроконечных шапочках. В торжественной тишине лесной поляны с тихо молящимся народом мы хорошо слышали ворчливый шепот Зориной: «Молиться можно и дома. Приехала высказаться и выскажусь».

И, подтолкнув в обе стороны своих приближенных, она выплыла с ними обеими на самую середину полукруга.

– Отец Серафим, отец Серафим, – громко позвала она отшельника. – Вот я, генеральша Зорина, вдовею тридцатый год. Пятнадцать лет проживаю, может, слышали, при монастыре со всеми этими своими. За все это время соблюдаю среды и пятницы; теперь задумала понедельник, так что вы на это скажете? Как посоветуете, отец Серафим?

Появись над поляной низко летящая стая грачей, их карканье помешало бы меньше, чем голос Зориной, прервавший молитвенную тишину.

И отец Серафим, как бы озадаченный, заморгал на нее своими добренькими глазками:

– Я что-то не совсем понял тебя, – проговорил он и затем, подумав немного, прибавил: – Ежели ты это насчет еды, то вот что я тебе скажу: как случится замолишься, забудешь об еде, ну и не ешь, не ешь день, не ешь два, а там, как проголодаешься, ослабеешь, так возьми да и поешь немного.

Все заулыбались. Ревнительница поста как-то неловко попятилась вместе со своими придворными, быстро укрывшись с ними в толпе своих.

Отец Серафим поманил к себе Прокудина рукой:

– Скажи им, – сказал он, – сделай милость, скажи всем, чтобы напились из этого родника. В нем вода хорошая. А завтра я буду в монастыре. Непременно буду. Когда все, утолив жажду, вернулись на поляну, Серафима уже не было на пригорке перед его хибаркой.

Только вдали за кустами шуршал серп, срезая сухую лесную траву...

Источник: [Азбука веры](#)

Изображение с сайта: [Большая российская энциклопедия](#)

При перепубликации просим ссылаться на первоисточник: Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга
<https://imonspb.ru>

Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, 45
Проезд: ст. метро "Петроградская"
Телефон: +7-812-234-24-27